

Е. В. Кныш, Г. А. Брандт

«Забывтое старое»: российское православие в условиях постсекулярной культуры

В статье рассматриваются особенности нового феномена европейской религиозной жизни – постсекулярной культуры, формы его проявления и подходы к изучению. Отмечаются особенности становления постсекулярной культуры в России, влияние этого процесса на православную церковь. Выявляются перспективы использования в новой религиозной ситуации внутреннего опыта православной церкви, в частности мирянских братств. Приводится краткая характеристика современного опыта жизни одного из них – Преображенского содружества малых православных братств.

Ключевые слова: постсекулярная культура, христианство, православие, секуляризация, религиозные симулякры, православное братство, Преображенское содружество.

E. V. Knysh, G. A. Brandt

«The Well Overlooked Old»: Russian Orthodoxy in Post-Secular Culture

The article deals with the peculiarities of a new phenomenon of European and Russian religious life – post-secular culture: its forms and approaches to studying. The peculiarities of post-secular culture formation in Russia, the influence of this process over the Orthodox Church are looked upon. The prospects of using the internal experience of the Orthodox Church, the lay brotherhoods, in particular, are revealed in a new religious situation. The modern experience of one of them – the Transfiguration Fellowship- is given.

Keywords: post-secular culture, Christianity, Orthodoxy, secularization, religious simulacra, Orthodox brotherhood, the Transfiguration Fellowship.

Еще каких-то полвека назад религиозная ситуация в развитых западноевропейских странах могла служить бесспорным доказательством правильности тезиса, выработанного мыслителями эпохи Просвещения, о неизбежном «умирании» религии и замещении ее рациональным, «холодным» знанием, чуждым «средневековым мистическим предрассудкам». Однако современные социокультурные процессы, по мнению многих исследователей, таких как П. Бергер [18], Х. Казанова [19], Ю. Хабермас [16], обнажают ограниченность идеи секуляризации как во времени, так и в пространстве. Так, Ю. Хабермас отмечает, что, хотя результаты длительной секуляризации в Европе еще прочны, распространения их в другие – неевропейские – культуры не происходит. Европа выглядит сегодня своеобразной «белой вороной», «девиантным маршрутом» исторического развития религии [16]. Да и в самой Европе идут такие процессы, которые ставят под сомнение сохранение привычного доминирования секулярного дискурса в публичном пространстве. Сегодня в работах многих исследователей говорится о становлении новой эпохи, которую начиная с трагических событий 11 сентября 2001 г., заставивших пересмотреть место религии в современном обществе, все чаще стали называть «постсекулярной». Сам термин, правда, возник раньше: еще в 90-х гг. XX в. он «начинает мелькать в исследовательских трудах, посвященных критике современной практики и теории секуляризма» [12]. При

постсекуляризме, утверждают аналитики, уже не находится места былой поляризации и противостоянию религии и развития общества, веры и научной мысли. Вот некоторые отмечаемые особенности данных процессов.

Во-первых, так называемые «некоренные европейцы» оказывают устойчивое сопротивление инкультурации, принятию европейских секулярных ценностей, поддерживая свою идентичность, нередко связанную с исламскими религиозными нормами поведения. Активные потоки миграции последних лет с Ближнего Востока и Африки только усугубляют ситуацию. Реакция самих европейцев в ней характеризуется, помимо всего прочего, обращением к своим традиционным религиозным конфессиям (причем, как указывает, например, Хабермас, не только к христианству, но и к исламу [16]).

Во-вторых, отмечается явный рост так называемой «новой религиозности», квазирелигиозности, форм оккультизма, появление новых религиозных движений, конкурирующих друг с другом за «умы и сердца» на общем своеобразном «рынке религий», в том числе и с традиционными церковными структурами.

Кроме того, даже в «самых» секуляризованных западноевропейских странах поддерживаются общие ценности, в сущности, берущие начало в религиозной традиции и культуре. Благодаря тому, что их ретранслируют не только собственно рели-

гиозные институты, но и средства массовой информации и система образования, эти ценности воспринимаются даже той частью населения, которая не поддерживает церковные практики [11, с. 115].

И наконец, самое главное. На чем стоит, видимо, остановиться подробнее. Надо заметить, что совсем не все исследователи принимают идею постсекуляризма. Часть из них (П. Бьюкенен, К. Доббелер, Д. Мартин и др.¹) утверждают, что ничего существенного не произошло: позиции секуляризма прочны, восприятие большинством религии как архаики никуда не исчезло. Другие (Ю. Хабермас [16], Х. Казанова [19], П. Бергер [18] и др), соглашаясь с прочностью «секулярной матрицы» в общественном сознании, указывают, тем не менее, на очевидную несостоятельность прежних представлений о малозначимом месте религии в условиях социально-экономического прогресса. Но нам самым плодотворным представляется подход той группы ученых (Ч. Тейлор, Т. Лукман, Р. Белла и др.²), которые концентрируют свое внимание на феномене сохранения персонализированной религиозности, внутренних духовных процессов, поисков, которые, как оказалось, не исчезали в человеке даже при значительном ослаблении традиционной институциональной религии. Это позволяет уйти от явно противоречащего современности выделения «религиозной» и «рациональной» «фаз», которые были предложены мыслителями эпохи Просвещения. Следуя этой логике, сегодня вслед за П. Бергером [18] мы должны были бы выделить «новый религиозный этап» и зафиксировать своеобразное обратное движение «маятника истории» в сторону усиления религиозных начал. Вместо этого в работах этой группы ученых просматривается, по существу, историческая триада «досекулярное – секулярное – постсекулярное». Последняя «фаза» в этом случае подразумевает пересмотр отношения (в том числе) к традиционной религии с учетом достижений/ошибок эпохи Просвещения, «очистительной» работы постмодернистских открытий и базируется, как оказалось, на крайне устойчивой, во всяком случае, для Европы, религиозной идентичности [6, с. 5–6]. Так, тема поиска Бога, личной «встречи» с Божественным Абсолютом – причем в традиционных церковных институтах – естественным образом «прорастает» сегодня во многих произведениях искусства. Думается, не случайно Оскара в последние годы получили фильмы, прямо поднимающие темы этого современного личностного запроса: «Ида» П. Павликовского, «Молчание» М. Скорсезе, об этом же культовый сериал «Молодой папа» П. Соррентино, недавно вышедший британский сериал «Сломленный» Э. Пирса, Н. Кершоу и мн. др.

Все это свидетельства того, что для западноевропейских реалий понятие постсекулярной культуры может претендовать на статус адекватной модели описания социокультурной действительности. Возникает закономерный вопрос об эвристическом потенциале этого понятия применительно к российским условиям.

В нашей стране, начиная где-то со второй половины XX в., даже в условиях формально «атеистического государства», долгое время осуществлявшего политику насильственной секуляризации, постсекулярные тенденции также находили свое воплощение в таком феномене, как рост религиозности интеллигенции. Это касалось и различных эзотерических, восточных учений [8], и традиционного православия [15] (подробнее см. об этом, например, в документальном мини-цикле А. Архангельского «Жара», Россия, ОГТВК «Культура», 2011). С распадом СССР интерес к православной церкви, церковным практикам (крещения, отпевания, венчания) был, как известно, велик, однако массовая идентификация себя с православием носила в основном формально-поверхностный характер [10]. Временной континуум 1990-х – начала 2010-х отмечен ростом числа приверженцев православной церкви, а точнее – православной культуры³. Итоговый показатель 82 % опрошенных, связывающих себя с православием [10, с. 246], безусловно, свидетельствует о благоприятных, с точки зрения социологии, условиях для формирования постсекулярной культуры в России. К тому же за последние десятилетия в России «повысился спрос» и на «глубокое» вхождение в христианские практики в различных формах выражения (например, монашество, братства). Логичным было бы ожидать, что традиционные церковные институты будут проявлять большую активность, реагируя на эти вызовы.

Так, в Европе, по словам Ю. Хабермаса, католические и протестантские церкви на фоне постсекулярного подъема консервативных, фундаменталистских сил, различного рода движений и сект, возникновения религиозных симулякров наподобие евроислама стараются вести себя как «интерпретирующие сообщества» («communities of interpretation») для обсуждения в публичном пространстве таких вопросов, как легализация однополых браков, аборт, добровольная эвтаназия, биоэтические аспекты репродуктивной медицины [16] и т. д. Кроме того, стоит отметить, что та же католическая церковь, будучи огромной институцией, по этой причине не способной быстро реагировать на вызовы внешней среды, тем не менее уже накопила успешный опыт взаимодействия с различными постсекулярными инициативами «снизу». Как правило, то или иное движение, пользующееся популярностью и доверием верующих, возглавляется

затем представителем Ватикана, осуществляющего формальный контроль «системы» и легитимирующего его деятельность, но при этом сохраняет определенную степень свободы и принципиальное для своих участников своеобразие: «наработки», традиции и ценности.

В российском православии ситуация выглядит пока более сложной. Вследствие популярности у населения символической маркировки принадлежности к православию для церкви остается актуальным позиционирование себя как традиционной, исторической, национальной и даже государствообразующей институции. Поддерживается тенденция унификации религиозной жизни, ее жесткой регламентации, опоры на авторитет власти, недоверие к различного рода инициативам снизу и неприятие объективной критики. Выражены тенденции на восстановление прежнего влияния на общество, но не за счет поиска новых способов диалога, а путем вбрасывания в информационное пространство таких концептов из прошлого, как «Русь Святая», «государственно-церковная симфония» и т. п. В целом, присутствуют интенции к реанимации прежнего, дореволюционного, по сути, во многом досекулярного статус-кво во взаимоотношениях церкви с государством и обществом. При этом, как и в Европе, церковь активно включается в обсуждение злободневных социальных вопросов, выступая и как оценщик нравственности, и как крупный «нормативный предприниматель» [17, с. 237], призывающий к изменению государственных механизмов регулирования этих сфер. Однако, в том числе из-за этого, взаимоотношения церкви со сферой культуры, столь важные при постсекуляризме, остаются сложными и противоречивыми. Достаточно вспомнить различные напряженные ситуации последних лет, связанные с выходом в свет различных фильмов, выставок, театральных постановок (напр., спектакль Т. Кулябина «Тангейзер», выставка в Манеже «Скульптуры, которых мы не видим», фильм А. Учителя «Матильда»), которые высоко оцениваются культурным сообществом и вызывают ярко-негативную реакцию церкви.

Конечно, православная церковь не может совсем не отвечать на актуализовавшиеся личностные запросы верующих. Но она реагирует на них пока скорее, скажем так, «бюрократически»: вводятся минимальная подготовка перед крещением, «ставки» катехизаторов (лица, занимающиеся подготовкой к крещению) на приходах, декларируется восстановление общинных форм жизни, инициируется создание сообществ трезвости, социальной поддержки нуждающихся, служб милосердия и т. д. Что касается инициатив «снизу», самых продуктивных постсекулярных движений, они пока встречаются с серьезными трудностями церковно-

институционального характера. Однако важен сам факт их появления.

В заключение мы обратимся к примеру – краткой характеристике опыта крупного и яркого феномена российской церкви Преображенского содружества малых православных братств (ПСМБ), демонстрирующего наличие у традиционного православия ресурсов для успешного развития в условиях постсекулярной культуры⁴.

Истоки Содружества связаны со средой московской интеллигенции 1970-х гг., что совпадает с развитием постсекулярных тенденций в СССР: наличием у многих людей потребности «погружения» в религиозную традицию. Центральным моментом в деятельности, а вернее, самодеятельности тогда еще небольшой группы верующих советских «мирян» была последовательная, длительная, разносторонняя подготовка людей к крещению: вхождение в православную традицию, культуру, осмысление библейских текстов и т. п. При этом акцент ставился на целостное проявление своей веры в жизни. Это резко отличалось от тех узких возможностей, которые мог предложить входящему в церковь православный приход того времени, и позволяло будущим членам братства действовать как бы в дополнение к нему.

Эта практика, хотя и по понятным в то время причинам неофициальная, оказалась востребованной: шел постепенный рост числа ее сторонников, и в 1990 г. было «учреждено» собственно братство [4], которое на сегодняшний день объединяет уже несколько тысяч верующих из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Северодвинск, Вельск, Электросталь, Коломна, Тверь, Рязань, Воронеж, Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов, Уфа, Стерлитамак, Екатеринбург, Нижневартовск, Томск) и частично за рубежом (Рига, Гомель, Кишинева). По структуре оно представляет собою своеобразную сеть малых братств, которые насчитывают до 60 человек [7], состоящих, в свою очередь, из общин до 20 человек. Братство ведет активную просветительскую деятельность, в частности, через имеющий государственную аккредитацию Свято-Филаретовский православно-христианский институт (СФИ), где, кроме собственно образовательной деятельности, проводятся конференции, выставки, кинопоказы, семинары, акции памяти, молебны, литературные вечера и т. д. Деятельность Содружества отражается в изданных материалах общеправославных «соборов», научных сборниках конференций, имеющем аккредитацию ВАК по теологии научном альманахе «Свет Христов просвещает всех», журнале «Православная община», газете «Кифа».

Важным моментом при рассмотрении деятельности ПСМБ в контексте постсекулярной культуры также является развитие диалога с различными со-

циальными кругами. Это происходит как внутри православной церкви путем реализации совместных проектов братства и епархиальных структур, отдельных представителей духовенства, с различными христианскими движениями, так и с близкими по ценностным ориентациям социальными движениями (общество «Мемориал», РБОО «Центр лечебной педагогики», фонд «Подари жизнь», проект «Последний адрес»), научными сообществами (совместные форумы с учеными РАН [13], философским факультетом МГУ [9], представителями РГГУ, периодическое участие президента МВШСЭН Т. Шанина в научно-просветительских проектах братства и т.д.). Отдельно стоит выделить важное и нехарактерное для современного российского православия плодотворное сотрудничество с деятелями искусства: членами Попечительского совета СФИ и участниками многих «братских проектов» С. Юрским, О. Седаковой, поддержавшими акцию национального покаяния, инициированную братством режиссерами А. Смирновым, Д. Виолиной. Братство организовывало вечера и лекции, спикерами которых становились А. Архангельский, А. Звягинцев, Н. Сванидзе и многие другие известные персоны.

Стоит также отметить, что идея православного братства отнюдь не нова. Братства присутствовали в истории начиная с XV–XVI вв., и совсем недавно, в конце XIX – начале XX в., переживали свой расцвет [2]. Безусловно, современность значительно отличается от условий столетней давности. Однако при интеграции богатого культурного наследия и малых форм церковности, которые, вероятно, в условиях постсекулярной культуры станут обращать на себя большее внимание, церкви вместо созидания принципиально нового, разного рода религиозных симулякров, возможно, будет достаточно поддерживать и развивать свое, но «хорошо забытое старое».

Библиографический список

1. Агаджанян, А. Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности [Текст] / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – М.: Весь мир, 2011. – С. 255–276.
2. Антонов, В. В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) [Текст] / В. В. Антонов // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. – М.; СПб. – 1993. – С. 424–445.
3. Брандт, Г. А. Церковь и культура: новая встреча в «разломе эпох»... [Текст] / Г. А. Брандт // Российский человек в разломе эпох: quo vadis?: мат. XV междунаучно-практ. конф. Гуманитарного ун-та, 26–27 апреля 2012 года: доклады / редкол. Л. А. Закс и др.: в 2 т. – Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2012. – Т.1. – С. 239–243.
4. Кочетков Георгий, свящ. Наше движение возникло естественно... [Электронный ресурс] // Преоб-

раженское братство. – Режим доступа: <https://psmb.ru/a/svyashchennik-georgiy-kochetkov-nashe-dvizhenie-vozniklo-estestvenno.html>

5. Лукман, Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» [Текст] / Томас Лукман // Социологическое обозрение. – М.: НИУ «ВШЭ» Центр фундаментальной социологии. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 139–154.

6. Мchedlov, M. P. Общие вопросы религиозной идентичности... [Электронный ресурс] / М. П. Мchedlov // Гражданское общество в России. Перепечатка с сайта Института социологии РАН. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obshie.pdf

7. О нас [Электронный ресурс] // Преображенское братство. – Режим доступа: <https://psmb.ru/o-nas.html>

8. Панченко, А. А. Двадцатый век: новое религиозное воображение [Электронный ресурс] / А. А. Панченко // Новое литературное обозрение – 2012. – № 117(5). – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2620>

9. Пора возвращаться к Русскому ренессансу [Электронный ресурс] // Преображенское братство. – Режим доступа: <https://sfi.ru/sfi-today/article/pora-vozvrashatsa-k-russkomu-renessansu.html>

10. Синелина, Ю. Ю. Динамика религиозности россиян (1989–2012) [Текст] / Ю. Ю. Синелина // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы III Межд. науч. конф. / отв. ред. С. Д. Лебедев. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – С. 324–343.

11. Степанова, Е. А. Религия в США и западной Европе: исключение или правило? [Текст] / Е. А. Степанова // Науч. ежегодник Института философии и права Урал-го отд. РАН. – 2012. – Вып. 12. – С. 110–122.

12. Узланер, Д. Картография постсекулярного [Электронный ресурс] / Дмитрий Узланер // Отечественные записки – 2013. – № 1 (52). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>

13. Физики и клирики искали смысл... [Электронный ресурс] / Официальный сайт Свято-Филаретовского правосл.-христ.-го института. – Режим доступа: <https://sfi.ru/sfi-today/article/fiziki-i-kliriki-iskali-smysl-nauki-poznaniia-i-zhizni.html>

14. Филатов, С. Христианские религиозные сообщества России как субъект гражданского общества [Электронный ресурс] / С. Филатов // Отечественные записки. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/hristianskie-religioznye-soobshchestva-rossii-kak-subekt-grazhdanskogo-obshchestva>

15. Фурман, Д. Е. Религия, атеизм и перестройка [Текст] / Д. Е. Фурман // На пути к свободе совести. – М., 1989. – С. 13–14.

16. Хабермас, Ю. Постсекулярное общество – что это? Часть 1 [Текст] / Юрген Хабермас // Российская философская газета. – 2008. – № 4 (18).

17. Штекль, К. Постсекулярные конфликты и глобальная борьба за традиционные ценности [Текст] /

Кристина Штекль // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 4(34). – С. 222–240.

18. Berger P. L. The desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics / Ed. By P. L. Berger. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999

19. Casanova, J. Public religions in the modern world / J. Casanova. – Chicago : University of Chicago Press, 1994.

20. Dobbelaere K. Secularization: a Multi-Dimensional Concept // Current sociology. – 1981. – V. 29. – P. 10–24.

Bibliograficheskij spisok

1. Agadzhanjan, A. Prihod i obshhina v sovremennom pravoslavii: kornevaja sistema rossijskoj religioznosti [Tekst] / pod red. A. Agadzhanjana, K. Russele. – M. : Ves' mir, 2011. – S. 255–276.

2. Antonov, V. V. Prihodskie pravoslavnye bratstva v Petrograde (1920-e gody) [Tekst] / V. V. Antonov // Minushee: Istoricheskij al'manah. Vyp. 15. – M.; SPb. – 1993. – S. 424–445.

3. Brandt, G. A. Cerkov' i kul'tura: novaja vstrecha v «razlome jepoh»... [Tekst] / G. A. Brandt // Rossijskij chelovek v razlome jepoh: quo vadis?: mat. XV mezhd. nauchno-prakt. konf. Gumanitarnogo un-ta, 26–27 aprelja 2012 goda: doklady / redkol. L. A. Zaks i dr. : v 2 t. – Ekaterinburg : Gumanit. un-t, 2012. – T.1. – S. 239–243.

4. Kochetkov Georgij, svjashh. Nashe dvizhenie vozniklo estestvenno... [Jelektronnyj resurs] // Preobrazhenskoe bratstvo. – Rezhim dostupa: <https://psmb.ru/a/svyashchennik-georgiy-kochetkov-nashe-dvizhenie-vozniklo-estestvenno.html>

5. Lukman, T. Dopolnenie k tret'emu nemeckomu izdaniyu «Nevidimyj religii» [Tekst] / Tomas Lukman // Sociologicheskoe obozrenie. – M. : NIU «VShJe» Centr fundamental'noj sociologii. – 2014. – T. 13. – № 1. – S. 139–154.

6. Mchedlov, M. P. Obshhie voprosy religioznoj identichnosti... [Jelektronnyj resurs] / M. P. Mchedlov // Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii. Perepechatka s sajta Instituta sociologii RAN. Rezhim dostupa: http://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obshhie.pdf

7. O nas [Jelektronnyj resurs] // Preobrazhenskoe bratstvo. – Rezhim dostupa: <https://psmb.ru/o-nas.html>

8. Panchenko, A. A. Dvadcatyj vek: novoe religioznoe voobrazhenie [Jelektronnyj resurs] / A. A. Panchenko // Novoe literaturnoe obozrenie – 2012. – № 117(5). – Rezhim dostupa: <http://www.nlobooks.ru/node/2620>

9. Pora vozvrashhat'sja k Russkomu renessansu [Jelektronnyj resurs] // Preobrazhenskoe bratstvo. – Rezhim dostupa: <https://sfi.ru/sfi-today/article/pora-vozvrashatsa-k-russkomu-renessansu.html>

10. Sinelina, Ju. Ju. Dinamika religioznosti rossijan (1989–2012) [Tekst] / Ju. Ju. Sinelina // Sociologija religii v obshhestve Pozdnego Moderna : materialy III Mezhd. nauch. konf. / otv. red. S. D. Lebedev. – Belgorod : ID «Belgorod», 2013. – S. 324–343.

11. Stepanova, E. A. Religija v SShA i zapadnoj Evrope: iskljuchenie ili pravilo? [Tekst] / E. A. Stepanova // Nauch. ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural-go ottd. RAN. – 2012. – Vyp. 12. – S. 110–122.

12. Uzlaner, D. Kartografija postsekuljarnogo [Jelektronnyj resurs] / Dmitrij Uzlaner // Otechestvennye zapiski – 2013. – № 1 (52). – Rezhim dostupa: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekuljarnogo>

13. Fiziki i kliriki iskali smysl... [Jelektronnyj resurs] / Ofic. sayt Svjato-Filaretovskogo pravosl.-hrist-go instituta. – Rezhim dostupa: <https://sfi.ru/sfi-today/article/fiziki-i-kliriki-iskali-smysl-nauki-poznaniia-i-zhizni.html>

14. Filatov, S. Hristianskie religioznye soobshhestva Rossii kak sub#ekt grazhdanskogo obshhestva [Jelektronnyj resurs] / S. Filatov // Otechestvennye zapiski. – Rezhim dostupa: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/hristianskie-religioznye-soobshchestva-rossii-kak-subekt-grazhdanskogo-obshchestva>

15. Furman, D. E. Religija, ateizm i perestrojka [Tekst] / D. E. Furman // Na puti k svobode sovesti. – M., 1989. – S. 13–14.

16. Habermas, Ju. Postsekuljarnoe obshhestvo – chto jeto? Chast' 1 [Tekst] / Jurgen Habermas // Rossijskaja filosofskaja gazeta. – 2008. – № 4 (18).

17. Shtekl', K. Postsekuljarnye konflikty i global'naja bor'ba za tradicijnye cennosti [Tekst] / Kristina Shtekl' // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2016. – № 4(34). – S. 222–240.

18. Berger P. L. The desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics / Ed. By P. L. Berger. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999

19. Casanova, J. Public religions in the modern world / J. Casanova. – Chicago : University of Chicago Press, 1994.

20. Dobbelaere K. Secularization: a Multi-Dimensional Concept // Current sociology. – 1981. – V. 29. – P. 10–24.

Reference List

1. Agadzhanjan And. Arrival and community in modern Orthodoxy: the root system of the Russian religiousness / under the editorship of A. Agadzhanjan, C. Roussel. – M. : Ves' mir, 2011. – P. 255–276.

2. Antonov V. V. Parish Orthodox brotherhoods in Petrograd (the 1920-s years) // Past: Historical almanac. Issue 15. – M.; SPb. – 1993. – P. 424–445.

3. Brandt G. A. Church and culture: a new meeting in «a break of eras» ... // the Russian person in a break of eras: quo vadis?: materials of the XV international scientific conference of the Humanitarian university, on April 26–27, 2012: reports / editorial board. L. A. Zaks, etc.: in 2 v. – Ekaterinburg : Humanitarian University, 2012. – V. 1. – P. 239–243.

4. Kochetkov Georgy, priest. Our movement has arisen naturally... [Electronic resource] // Preobrazhenskoye brotherhood. – Access mode:

<https://psmb.ru/a/svyashchennik-georgiy-kochetkov-nashe-dvizhenie-vozniklo-estestvenno.html>

5. Lukman T. Addition to the third German edition of «Invisible religion» // Sociological review. – М.: NRI «HSE» Center of fundamental sociology. – 2014. – V. 13. – № 1. – P. 139–154.

6. Mchedlov M. P. The general questions of religious identity ... [An electronic resource] // Civil society in Russia. A reprint from the website of Institute of sociology of RAS. Access mode: http://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obshie.pdf

7. About us [An electronic resource] // Preobrazhensk brotherhood. – Access mode: <https://psmb.ru/o-nas.html>

8. Panchenko A. A. Twentieth century: new religious imagination [An electronic resource] / A. A. Panchenko // the New literary review – 2012. – № 117(5). – Access mode: <http://www.nlobooks.ru/node/2620>

9. Preobrazhensk brotherhood is time to come back to the Russian Renaissance [An electronic resource] // . – Access mode: <https://sfi.ru/sfi-today/article/poravozvrashatsa-k-russkomu-renessansu.html>

10. Sinelina Yu. Yu. Dynamics of Russians' religiousness (1989–2012) // Religion Sociology in the society of the Late Modernist style: materials of the III intern. scientific conference / editor-in-chief S. D. Lebedev. – Belgorod: ID «Belgorod», 2013. – P. 324–343.

11. Stepanova E. A. Religion in the USA and Western Europe: exception or rule? // Scientific year-book of Institute of philosophy and law of Urals office of RAS. – 2012. – Issue 12. – P. 110–122.

12. Uzlaner D. Cartography of post-secular [An electronic resource] / Dmitry Uzlaner // Domestic notes – 2013. – № 1 (52). – Access mode: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>

13. Physicists and clergymen looked for sense ... [An electronic resource] / Official site of Saint Filoret Orthodox- Christian institute. – Access mode: <https://sfi.ru/sfi-today/article/fiziki-i-kliriki-iskali-smysl-nauki-poznaniia-i-zhizni.html>

14. Filatov S. Christian religious communities of Russia as subject of civil society [An electronic resource] // Domestic notes. – Access mode: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/hristianskie-religioznye-soobshchestva-rossii-kak-subekt-grazhdanskogo-obshchestva>

15. Furman D. E. Religion, atheism and reorganization // On the way to freedom of conscience. – М., 1989. – P. 13–14.

16. Khabermas B. B. Post-secular society – what is it? the Part 1 // Rossiiskaya filosofskaya gazeta. – 2008. – № 4 (18).

17. Shtekl K. The post-secular conflicts and global fight for traditional values // the State, religion, church in Russia and abroad. – 2016. – № 4(34). – P. 222–240.

18. Berger P. L. The desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics / Ed. By P. L. Berger. Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999

19. Casanova J. Public religions in the modern world. – Chicago : University of Chicago Press, 1994.

20. Dobbelaere K. Secularization: a Multi-Dimensional Concept // Current sociology. – 1981. – V. 29. – P. 10–24.

¹ См., например, у К. Доббелера в работе «Secularization: a Multi-Dimensional Concept» [20].

² См., например, работу Т. Лукмана «Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» [5].

³ По опросам лишь 10 % населения относили себя к «верующим с активным и постоянным участием в религиозной жизни» [10, с. 255]. Кроме того, число опрошенных, ассоциирующих себя с православием, оказалось больше числа тех, кто признал себя верующим.

⁴ Опыт жизни Содружества был неоднократно описан в современном российском религиоведении. См., например, работы А. Агаджаняна [1], Г. А. Брандт [3], С. Филатова [14].